

Ахат Сафиуллин

Жертва телевизора

233

Как-то решил я навестить свою тётку Магинур-апу. Неожиданно решил. Просто запрыгнул не в тот автобус. Думал, это номер 999, а оказалось, что 666-й.

Катал он меня по городу. То блеск покажет, то нищету, а потом выплюнул как шелуху прямо на стройплощадку на самой окраине Казани. Тут я и вспомнил про тогда совсем ещё новую квартиру тётки, куда её из трущоб переселили.

Когда мы на новоселье пошли с женой, то, помню, прихватили чайный сервиз, который давно уже на антресолях пылился. Страшные такие чашки кто-то нам подарил, из которых только яд пить. Какие-то болотные цветы на жёлто-зелёном фоне, напоминающие пиявок, поэтому мы их подальше убрали. И вот дождались чашки своего часа.

Магинур-апа раскрыла коробку и ахнула. «Это же, – говорит, – мои чашки. Я их тебе, Салимзян, на день рождения подарила. Но вот кто их мне самой подарил, не помню. Маршида или Марфуга?». Конфуз вышел. Теперь ждём свои чашки обратно. Скоро у моей жены юбилей.

Так вот, зашёл я к тётке чай попить. С трудом вспомнил, какой подъезд, какой этаж. Наконец разобрался, что к чему: нехорошее слово, на стене написанное, ещё тогда запомнил. Оно во время новоселья уже было. Значит, здесь. И вдруг упёрся носом в решётку. А тогда проход был свободным. Пригляделся – коридор длинный, тёмный, как в тюрьме. В самом конце ещё одна решётка, но уже обитая железом. Все звонки наружу выведены, чуть ли не к лифту.

Звоню. Где-то в глубине слышу шо-

Ахат Сафиуллин (1936) родился в Донецкой области, в семье шахтёра. В восьмимесячном возрасте с родителями вернулся на родину – в деревню Старый Арыш Рыбно-Слободского района. Окончил Казанский инженерно-строительный институт. Всю жизнь посвятил строительству и литературе. После строек работал в редакциях журнала «Чаян» и газеты «Ватаным Татарстан». Автор десятка книг прозы. Немало времени посвящает переводу текстов с татарского на русский и с русского на татарский. Заслуженный работник культуры РТ

рох – как будто мышь проснулась. И наконец слабый голосок затянул:

– Кого надо? К кому пришли?

Узнаю голос Магинур-апы. Кричу ей:

– Это я, твой родственник, Салимзян! Отпирай!

Апа зашаркала мне навстречу. Появилась за решёткой и спрашивает:

– Чего шумишь, Салимзян? Что случилось?

– Да ничего! – отвечаю. – Просто зашёл проведать. Как здоровье?

Она оглядела меня с головы до ног как-то подозрительно и зашептала:

– К нашей соседке, которая наверху живёт, месяц назад приходил родственник. На вид приличный такой мужчина, в шляпе и плаще...

– И что?

– Ограбил старушку! В глаза ей дихлофосом брызнул и квартиру обчистил. Даже ёжик от унитаза унёс. Ладно ещё не изнасиловал...

– Ух ты!

– А недели две назад, – продолжала рассказывать свои страсти-мордасти Магинур-апа, – к другой соседке, которая снизу, внук наведалься. Арбуз принёс. А внутри него большой ножик спрятал. Приставил к горлу и говорит: «Поставь, бабка, подпись на чистой бумаге!» Она перепугалась и подписала. А он тут же в банк побежал, взял миллион и бумажку им отдал с подписью своей бабушки. Её через неделю выселили. Вот такие родственнички нынче пошли. Нету никакого доверия. Так что даже не надейся, ничего тебе не светит. Я за себя постоять сумею. Вот этой тяткой дам меж глаз – забудешь, зачем пришёл!

И Магинур-апа показала старую свою тятку из деревни, которой она не один вагон капустных голов нашинковала.

– Спасибо, конечно, – опешил я, всё ещё надеясь, что это шутка. Но родственница была серьёзна как никогда.

– Я тебя хорошо знаю, вот таким ещё помню. – Она коснулась тяткой своего колена. – Хороший ты был, послушный. Это так. Но ведь маньяки не мань-

яками рождаются. В детстве все пригожие. А потом старух в мусоропроводе находят. Голова здесь – ноги там. Ужас!

– Но я же...

– Молчи! Стыдно стало, да? Это хороший признак. Значит, ты не совсем ещё конченный человек. Но признайся, ведь что-то всё-таки задумал? Колись давай!

– Ничего я не задумал. Что я, сумасшедший, что ли! – ответил я, а сам подумал: откуда у неё такой разухабистый язык?

– Ладно, не кипятись. Я же раньше вахтёршей работала. Так что всегда начеку! А ты не убегай пока. Я тебе сейчас чайку вынесу. Попьёшь, обогреешься. И пирогом своим с курагой угощу.

Она ушла. А я стоял в растерянности, не зная, смеяться или крутить у виска. Но потом списал все эти странности на старческий маразм. И даже пожалел запуганную родственницу: ведь никого у неё нет. Живёт себе как мышь в норе. Целыми днями смотрит по телику всякую криминальную гадость – насилие, убийства, кражи... Вот и результат. Так я размышлял, схватившись за прутья решётки.

Тут она выносит чай в знакомой чашке ядовитой тональности.

Отказываться как-то неудобно. Я взял чашку. А она опять в свою норку юрк!

Тяну жидкий чай цвета детской мочи. Про пирог с курагой забыла, видать. И вдруг из глубины коридора донёсся шёпот. Апайка моя по телефону с кем-то убеждённо общалась: «Айда приезжайте скорее. Явился! Задержу как могу. А вы дом оцепляйте. Это очень опасный преступник. Настоящий маньяк-потрошитель! Надо его...».

Последние слова я уже не расслышал. Поставил чашку на пол за решётку и пустился по лестнице вниз, точнее, полетел. Вскочил на улицу, запрыгнул в первый попавшийся автобус.

Место свободное было. Сел. Только вроде бы дух перевёл, как острая боль по животу полоснула. Отравила, что ли?..

Что-то с памятью моей стало

235

Время иногда напоминает мне обезумевший автомобиль с пьяным водителем. Куда несётся? Зачем?

Вот мой сын ещё недавно соску сосал, а теперь пиво целыми днями тянет. Помню, совсем недавно костюм ему на выпускной покупали, потом списки поступивших в вуз внимательно изучали, а сейчас... На каком он курсе? На втором или третьем?

Кричу жене:

– Эй, хатын, скажи-ка, сын наш на каком курсе?

Не слышит ничего.

– А вчера мы что за праздник отмечали? Голова всё ещё трещит после вчерашнего сабантуя.

Ни гугу. Смотрю на часы. Стрелки к двенадцати приближаются. Опять жене кричу. Где, спрашиваю, наша дочь ходит? Скоро полночь, а её всё нет!

И тут жена подходит ко мне и протягивает трубку:

– Тебя!

– Аллё! Аллё! Кто это? – кричу.

А из трубки незнакомый молодой басок:

– Привет, дедуля! Скажи, как там «Рубин» с «Барселоной» сыграл? А то у нас тут, в поезде, ни телевизора, ни радио...

– Кто это? – спрашиваю удивлённо. Жена отвечает:

– Внук твой единственный. Дай аллах здоровья твоей дочери, такого джигита воспитала! И вчера мы не сабантуй отмечали, а внука твоего единственного в армию провожали, вот... В армию забрали его.

– Это же счастье, мать, Родине служить! – восклицаю.

– А сына твоего из института исключили, – продолжила она политинформацию.

Что-то с памятью моей стало – что четверть века назад было, помню, а вот что вчера – нет.

С горечи посмотрел, не осталось ли чего в строю оприходованных бутылок. Нет, не осталось.

Жена выключила свет, распахнула шторы:

– На улице уж полдень, а ты всё в постели кувыркаешься!

